

# Игорь Шестков "Гость из России"

## ГОСТЬ ИЗ РОССИИ

В ночь перед приходом Олега не мог заснуть. Думал, думал, как будто гранитные шары катал. Две недели! Две недели Олег будет жить в моей временно пустующей двухкомнатной квартире. Гость из России.

Ненавижу гостей! И сам ни к кому в гости не езжу, потому что не только принимать гостей у себя, но и самому быть гостем – отвратительно. Чужая постель, чужой толчок, полотенца, тарелки, вилки...

Успокаивал себя так: Олег – человек хороший, интеллигентный, чистый, опрятный, скромный и ни в коем случае не навязчивый. Ну проживет в твоей квартире... ты-то сам там не живешь сейчас... не надо быть собакой на сене... через две недели уедет. Ты белье стираешь, пол подметешь... и все.

И ванну придется чистить! Волосок набоковский искать.

Вычистишь!

И электроплиту загадит!

И плиту почистишь!

А если он тараканов и клопов завезет? Россия страна грязная.

Выморишь.

Он твои фотографии будет смотреть и книги!

Очень кому-то интересно смотреть твои фото... дедушек, бабушек...

И на кой ему твои книги сдались, у него своих в московской квартире – в пять раз больше.

И вообще, если ты так негостеприимен, то зачем ты его пригласил? Ты ведь никого никогда не приглашал, чертов бобыль! А Олежку пригласил!

Пригласил не потому что он такой хороший, а так... была одна мыслишка.

Ага – мыслишка! Это какая-то мыслишка? Нам все твои мыслишки известны!

Не пролезешь сквозь игольное ушко, верблюду.

Мыслишка? Вот теперь принимай его и корми, и пои, и по Берлину води...

И денег ему придется дать – у него заведомо нет ни гроша!

Были бы у него деньги – ни за что бы он к тебе не стал напрашиваться. Тоже

ведь, гордый. На какой хрен ты ему нужен? Другое дело – квартира в Берлине. Пусть и в Марцане. Это – что-то. А ты – и для него и для всех них – ничто. Отрезанный ломоть.

...

Уже давно-давно я догадался, что у тех, ну у неухавших, у оставшихся... у всех до единого... есть какая-то тайна. Позорное темное пятно в биографии. С ними что-то произошло... Что-то ужасное... Что – не знаю. Но знаю, когда. В ельцинское время. И это что-то их изменило радикально и навсегда. В худшую сторону. Каждого, конечно, по-своему.

Например, была у моей жены подружка детства – Маринка Лупова. Десять лет они в петяринской школе на одной парте просидели. Как Плюшкин говорил – однокорытники. В советское время – своя в доску баба. Как и все мы – научная сотрудница в НИИ. Легкая на подъем, веселая... Обожала танцевать. Вместе семьями в Гудауту ездили. Жену любила, часто к нам приезжала и болтала часами. И не только о детях. Книжки умные читала и водку пила как чай. И вот... приехала эта Маринка к жене во Францию на недельку погостить... Когда? Забыл. После войны с Грузией, но еще до аннексии Крыма. И я там находился в это время, случайно совпало, приезжал с младшей дочкой поиграть. Обрадовался, когда узнал, что Маринка приедет... думал... о прошлом покалякаем, старых друзей вспомним. Даже поехал с женой Маринку в аэропорт встречать.

Стоим, ждем. Мороженого взяли, жуем. Жена – клубничное, легкое, а я – шоколадное, с орешками, Магнум. Объединение.

И вот видим, выходит Маринка. Идет как-то боком. Постаревшая, располневшая и мрачная, как грозовая туча. Смотрит на нас так, как несчастная Мария-Антуанетта наверное смотрела на палача Сансона, хлопчущего у гильотины. Жена, добрая душа, расчувствовалась, кинулась к ней с объятьями. Та как-то криво и неохотно обнялась с ней, а мне только кивнула... кисло...

А ведь было время, когда...

И всю неделю, что у жены жила – только ворчала: Если бы у меня была такая зарплата, как у тебя... хорошо вы тут живете, немцы... французы... Все нашу бедную Россиюшку грабят!

Жена спрашивала: Это как же я твою Россиюшку граблю?

– Ты, Милочка, не понимаешь, ты слишком темная. Сидишь тут в деревне и на работу ходишь на свою фабрику.

– Ну ты меня и просвети. Я сколько раз в Россию посылки посылала. И деньги жертвовала.

– Я бы тоже жертвовала, если бы столько получала.

Получала Маринка тогда, кстати, не меньше жены, а больше, раз по шесть в год путешествовала по миру... жила в хороших отелях... на работе у нее был только один присутственный день... о чем бедной моей жене только мечтать приходилось, она только о том думала, как бы детей поднять. От меня она помощи не получала. Я в то время был безработным, и заказов у меня не было. А муж Маринкин, кстати, зарабатывал в тогдашней, еще не упавшей, России – тоже прилично. И дети у них выросли. Так что эта фраза Маринкина – про зарплату – была просто наглым враньем.

Что превратило жизнерадостную Маринку в злобную старую стерву, мы с женой не знали. Думали-гадали, да все попадали в молоко. Время? Не только. Произошедшую с Маринкой метаморфозу можно назвать «фатальным остервенением».

Были и другие варианты, ничуть впрочем не лучшие.

Случайно оказавшиеся в «золотом путинском миллионе» или рядом с ним люди становились поклонниками Путина... боготворили его... поддерживали и одобряли любое кремлевское скотство. А ведь раньше... в застойное время многие из них чуть ли не диссидентствовали. Этих кстати понять можно – они отработывали свои деньги... тряслись за вывезенные за рубеж средства... за недвижимое тут и там... они знали – в любой момент их могут ограбить свои или привлечь к суду чужие. Этим людям я никогда не завидовал... Их можно было охарактеризовать так – «лизуны-апологеты». Бывали они трех видов – «шизанутые», «оголтелые» и «умеренные». Первые визжали, плюясь и хрипя: «За Путина порву глотку! Гланды вырву! Моргала по асфальту размажу!» Вторые кричали соло и хором: «Россия – это Путин, без Путина нет России! Поняли? Поняли все?»

Третьи резонерствовали: «Если не Путин, то кто? Кто, я вас спрашиваю?»

И грозно сверкали жирными щеками.

А если им что-то отвечали, они тут же начинали визжать и плевать.

Были, впрочем, среди «лизунов-апологетов» и исключения. Вроде моего бывшего одноклассника Пети А. Он о политике (по слухам) вообще никогда ни слова не сказал. Очень умный человек. Какая сила воли... никогда!

Зато он любил повторять следующую максиму (читал в его официальных интервью): Я материально бывшим друзьям не помогаю. Всем помогать – денег не хватит.

Браво, Петя, долларовый миллиардер, браво! Хорошо поработал в ельциновской сауне! И жизнь понял, мудрец, и политэкономия! Главное, не изменяй этому принципу и дальше. Тебе могилку стекловатой выложат благодарные потомки. Кроме «фатально остервенелых» баб и богатеньких «лизунов-апологетов» были еще и не выходящие из стадии изумления «совки-коматозники», «мнимые активисты», вечно планирующие массовые протесты, пишущие и теоретизирующие и даже один раз просидевшие три часа в полиции, а также «космонавты» (не поддающиеся описанию словами идиоты, витающие в небесах).

Разумеется, имелись и смешанные случаи.

К какой категории относится Олег, я не знал, но подозревал, что к последней.

Потому что по образованию он был философ. Честно признаю, я ошибался.

Забегая вперед, скажу – он принадлежал к другой категории, мной не упомянутой. Это так называемые – «всё понимающие». Самые опасные.

Надо отдать должное, мы, эмигранты тоже имеем свою тайну. И у нас в душах есть черное пятно. Иногда – размером с лужу, иногда – с плевков. За всех говорить не буду, но и мне и моим досталось в Европе в начале девяностых годов по первое число. Очень крепко досталось. Все мы испытали – и насилие, и отчаяние, и унижения и бедность... Что конечно не улучшило наши характеры и изменило наш взгляды на жизнь. Но мы не стали злыми.

Этого не понимают оставшиеся на родине. Для них мы – предатели-колбасники, богачи, эгоисты и русофобы. У нас все всегда хорошо, а у них, у бедненьких, все всегда плохо.

Они выкинули нас из памяти, убили в себе добрые чувства к нам. А мы по

оставшимся скучаем, мы им до сих пор сочувствуем, мы их все еще любим. Не всех, конечно.

...

Олег прилетел в аэропорт Тегель около одиннадцати утра. Я встретил его. Он появился... с небольшой спортивной сумкой через плечо. Моложавый, подтянутый. Загорелый. Сдержанный. Такой, каким я его помнил. Совершенно не изменился. Дориан Грей. Только несколько морщинок появилось на лице. И седина.

Обнялись без энтузиазма. Сели в автобус. Билет для Олега я купил заранее. Первый наш разговор у меня в памяти не сохранился. Помню только, что я показывал Олегу из окна автобуса, а потом и эс-бана, Берлин. Рассказывал всякую смешную чепуху. Заметил, что Олега не очень интересует то, как называют берлинцы недавно построенный торговый центр «Алекса»... Зачем же он сюда пожаловал? Хм...

В квартире, где Олегу предстояло две недели жить, я показал ему его шкаф, кровать, кухню, вывел на балкон, объяснил, что надо делать с почтой, как пользоваться душем и что нельзя рассказывать соседям (Олег сносно говорил по-немецки).

Одарил его дюжиной билетов на разовые двухчасовые поездки в берлинском общественном транспорте, показал, где лежит подробный путеводитель по музеям и достопримечательностям Берлина, предложил сходить туда-сюда вместе.

Сварил кофе...

Мы проговорили с полчаса, и я, ошарашенный услышанным от Олега, почувствовал, что пора уходить. Моя потаенная мыслишка – оказалось несбыточным бредом, и я ушел.

Без сожаления и без желания увидиться с моим бывшим приятелем еще раз. Этот короткий разговор за кофе сохранился у меня в памяти. Не только из-за страшного признания Олега. Было в этом разговоре еще кое-что. В нем, хоть и не ясно, как бы в тумане неопределенности, прозвучал... намек на то, что случилось позднее...

Намек этот я к сожалению не понял.

Тогда я еще мог предотвратить несчастье...

...

– Расскажи, как оно там... в Москве.

– А что тебя интересует?

– Атмосфера, люди, город...

– Все по-старому, рассказывать нечего. Ты же был в Москве пять лет назад.

Атмосфера сам знаешь какая – вонь везде нестерпимая. Но у нас в Медведково все-таки воняет не так, как в центре. Люди? Очень много азиатов и кавказцев. А коренные москвичи... киснут. Город? Теряет последние романтические уголки.

Новые дома мучительно бездарные. Сотни тысяч квартир стоят пустые. Их купили не для того, чтобы в них жить, а для того, чтобы сохранить деньги.

Дороговизна. Бедность. Морок. Но в то же время – выставки... театры...

рестораны... все работает... залы полные... Москва гудит... какие-то праздники все время устраивают для пипла.

– Ты ушел от ответа. Кто-нибудь хочет Путина скинуть? Протестуют?

– Ну ты герой прямо. Гарибальди. Как это так, скинуть? Захватить телеграф-телефон? В стране, где правят бал два или три миллиона гэбистов? Плюс армия, флот. Полиция. Теперь еще и преторианцы появились – Нацгвардия. И частные охраны – еще миллионов пять вооруженных людей по всей стране. Да еще – шофера, егеря, массажисты, парикмахеры их жен и собак, самбисты... Чтобы кого-то скинуть – и перераспределить ресурсы, недвижимость и капиталы – надо убить чуть ни половину боеспособных мужчин в России. Попробуй. Не понимаешь, что ли? Путинский режим гораздо жизнеспособнее брежневского. Это народная сталинщина, только без большого Гулага. Потому что он не нужен, люди и так на все согласны. И не только согласны, они хотят так жить, понимаешь. Это их власть, воровская власть для дебильного большинства. Путин – один из них. Свой. И все ловят рыбку в мутной водичке. А политикой никто не интересуется. Никто, кроме ничего не понявших лузеров. Давай не будем больше об этом, осточертело повторять одно и то же... сколько можно толочь воду в ступе...

– Понятно. Не раздражайся, не хочешь о политике – давай об искусстве поговорим...

– Вот скука-то...

– Ну тогда, расскажи о себе, как живешь.

– Как все. Не обращаю внимания на общий маразм. Живу сегодняшним днем. Телевизора у меня нет. Компьютер – печатная машинка, интернет – справочник. К знакомым захожу, изредка – в театр... Читаю, перевожу, пишу репортажи... Бегаю каждый день. По лесопарку.

– Молодец, здоровеньким помрешь. Извини за интимный вопрос, ты все еще с Мишей?

– Миша умер два года назад.

– Извини, я не знал. Мои соболезнования.

– Нет, я один. И я болею... у меня СПИД. Не соболезнай, я еще не помер. Все так, как и должно было быть. Я пил, кололся, спал с кем попало, и залетел. После такого признания вовсе не выглядевшего больным Дориана Грея я прикусил губу.

А он продолжал: Слушай, я тебя знаю... ты шокирован... на меня тебе наплевать... и это нормально... ты испугался, что и сам можешь заболеть. Но ты ведь кажется уже двадцать лет женат на какой-то немке и от жены не бегаешь... так что не дрейфь.

– Я живу с одной немкой, но не женат на ней. Все сложно в датском королевстве.

– Давай еще раз сменим тему. Я слышал, что ты знаком с семьей Горкиных, мне очень хочется с ними познакомиться. Особенно с ней. Как ее зовут, Лидия что ли? Говорят, она самый талантливый писатель русского зарубежья. Хотел бы поговорить с ней. Ты не мог бы это устроить? Мне обещали несколько сотен евро за интервью. Кстати, у тебя тут нет ее книг? В России ее не печатают... а на дисплее читать противно.

– Где-то лежит одна, называется, кажется «Анальный капитан» или «Капитанский анал», да, есть еще один романец – «Горбун-насилльник»... поищи сам вон там, на верхней полке. Интервью она не дает. Но в гости пригласить...  
...

Дома, после ужина, смотрел кино в ящике. Новое. Что-то про пришельцев.

Гадость, естественно. Минна морщилась, но не сводила глаз с экрана. В конце

концов не выдержала и сказала резко: Я пойду спать, меня это кино не вдохновляет.

Ушла и дверью хлопнула сердито. Дура.

Выключил ящик. Вышел на балкон, сел в шезлонг и стал на Юпитер смотреть. В этом году Юпитер торчит прямо перед нашим балконом. В бинокль и галилеевы спутники видны. Забавно. Ты смотришь на них из Марцана, а с какой-нибудь Европы на тебя смотрит в свой телескоп выползший на поверхность льда стоглазый спрут и размышляет: Есть ли жизнь на этом дурацком шарике, так близко расположенном к Солнцу? Там же так жарко и неудобно!

Я думал об Олеге. Верил ли я ему? И да и нет. Да-да, хитер и циничен. Но и хитрые и циничные тоже болеют этой ужасной болезнью. И что ему надо от Горкиных? Интервью с Людмилой? Не верится. Чихал он на «литературу русского зарубежья».

Даже не спросил, как я живу... что пишу...

Нет, он в Берлин не ради музеев приехал. И не ради тебя. Хотя много лет назад, однажды... на картошке... советская романтика... да, на картошке, мы случайно остались одни в душевой пионерлагеря... Мылись в кабинках напротив.

Нет, нет, не вздыхайте, господа, не отводите мученически глаза и не кривите ваши благородные хлебоприемники... ничего страшного не произошло...

В какой-то момент я почувствовал... его влечение...

Он не смотрел на меня... взгляд его был печален, горек, он смотрел вниз.

Смотрел сквозь земляной пласт, в ад, на Сатану, сгорающего заживо на раскаленной решетке, как его нарисовали братья Лимбурги для «Великолепного часослова герцога Беррийского», знатока искусств, мецената и безнадежного должника.

И его влечение опалило меня... и я почувствовал в себе сатанинскую страсть.

Я был молод и неопытен. Заячья душа. Если бы он сделал следующий шаг... но он его не сделал. И слава богу. Но жар этой страсти, жар одного только мгновения, я не забыл до сих пор. Поэтому и ответил на его имейл, в котором он писал о намерении посетить Берлин и просил найти недорогую гостиницу.

Поэтому и предложил остановиться пожить в моей квартире.

Хорошо, что все прояснилось, и дикая идея не получила никакого воплощения!

И мое постаревшее тело не испытало «сварливого старческого задора»...  
попахивающего по словам классика камфарой.

И все же, что ему на самом деле нужно от госпожи Горкиной?

Неужели и вправду – интервью?

Шито белыми нитками.

...

Выдержал паузу. Горкиным позвонил только через три дня.

Подошел Марк, муж Людмилы, с ним меня познакомил... кажется Боря М..

– Послушай, Марк, у меня есть бутылочка Макаллана двенадцатилетней  
выдержки. Вкус мягкий. Дорогая. Да, американский дуб и из-под бурбона.

Одному мне ее не осилить, а выпить надо и немедленно. Сегодня вечером?

Чудесно. Ты не против, если я мальчика своего возьму с собой? Хорошего,  
хорошего... не боись, не обидит, он смирный, посидит в сенях, картошку  
почистит, на губной гармошке поиграет. Да, серебряные ложки прятать не  
обязательно... а у тебя они есть? До встречи!

Позвонил Олегу на мобильник. Тот обрадовался. Про «мальчика» ему ничего не  
сказал. Авось не прогонят. Договорились встретиться на перроне эс-бана в семь.  
Ехать нам было нужно в Шпандау. Через весь город.

...

По дороге Олег неожиданно заговорил о своем покойном отце.

– Знаешь, после того, как папа умер, я сдал нашу старую квартиру на Тверской.  
Ну ту, шикарную, ты в ней был, с антресолями. Я иначе не могу, жить не на что.  
А так... мне и на квартплату в Медведково хватает и на жизнь остается. Так  
сейчас многие москвичи делают. Сдал знакомым со средствами... И вот,  
представляешь... никак не ожидал, знакомые мне стали жаловаться... Якобы, по  
ночам, в тишине, они вздохи слышат... кашель отцовский... и его тяжелые шаги.  
Даже иногда слышат, как он бормочет что-то, как бормотал при жизни...  
последние два-три года, когда Альцгеймер уже сожрал его мозги... Все маму  
звал, говорил с ней... что-то ей рассказывал...

– Позови попа, или раввина... Отслужи молебен. Съезди на кладбище, положи  
камешек. Я не знаю, что в таких случаях делают. Обратись к охотникам за  
привидениями. Я твоего папу помню... жизненная сила у него была как у

мамонта. Пятьдесят лет преподавал в Совдепии марксизм-ленинизм и дожил до восьмидесяти пяти... На это только евреи способны. Русский бы или спился или раньше в ящик сыграл...

– Ты будешь смеяться, но я действительно и попа приглашал и с раввином советовался. Все без толку. А знакомые – помучились с полгода и съехали. И те, которые после них там жили, тоже. Кряхтит, бормочет, ходит... Книги берет с полок... они падают. Маму зовет. Уходить не собирается. Говорят, некоторые не способны понять, что умерли... что попали в лимб. Я там несколько раз переночевал, хотел сам убедиться.

– Убедился?

– Такие страсти... Расскажу после гостей. Смотри, мы уже в Шпандау. Где тут тюрьма?

...

Не сразу нашли дом, в котором была квартира Горкиных. Трехэтажный... окна с жалюзи... так себе... но с видом на канал Мюленграбен. Позвонили.

Открыл нам Марк, быстро оглядел меня, а потом уставился на Олега. Довольно недружелюбно.

– Это твой мальчик, который картошку чистить будет?

– Ну да.

Олег веско представился: Я Олег Соколовский, четыре дня как из Москвы.

Свободный журналист. Почитатель прозы вашей жены. Старинный приятель господина Ш.. Обещаю, что никаких неудобств вам от меня не будет. И картошку почищу, если надо. И полоний я с собой из Москвы не захватил.

Марк ненавистно посмотрел на меня, потом на Олега. Я подумал – сейчас он нас обматерит и выгонит.

Но неожиданно... сахарная женская рука с тяжелым золотым браслетом в виде двух переплетающихся змей... обняла его за плечи и подергала его ухо за мясистую мочку, из которой росли несколько сивых волосков.

Людмила Горкина произнесла не допускающим возражений тоном: Господа, мы рады вас видеть, проходите в гостиную. Обувь можете не снимать.

Небрежный, подчеркнуто сухой взгляд, брошенный ей, как бы невзначай, на моего приятеля, выдал мне то, о чем я не хотел и думать – они были знакомы

раньше.

И встреча эта будет иметь серьезные последствия, возможно трагичные. И виноват во всем – один я. Точнее – та самая мыслишка. Так из крохотного зернышка вырастает треклятый баобаб.

Последняя надежда... все это ты сам наворотел, как турок наворачивает не очень свежее баранье мясо на специальный вертел... конусом, чтобы потом печь его и срезать тоненькие кусочки для дёнеров...

Никаких драм... выпьем... поболтаем... разойдемся... через десять дней он уедет. А Людмила будет и дальше счастливо жить со своим верзилой Марком и писать романы.

...

Поставил бутылку Макаллана на стол.

Решили ее не охлаждать. Марк принес кубики льда в хромированной ванночке, содовую и бокалы. Налил себе и нам немного чистого виски.

Чокнулись молча, выпили... посмаковали... мне показалось, что у меня во рту пожар начался...

Через минуту я не выдержал, глотнул из запотевшей бутылочки содовой воды... жжение во рту сейчас же прекратилось. Как можно пить этот адский напиток и получать от этого удовольствие?

Железобетонный Марк с явным удовольствием цедил коричневую жидкость.

Глаза закрыл своими толстыми розоватыми веками с крошечными белыми пузырьками.

Олег ушел глубоко в себя... пил виски маленькими глоточками... но видимо не чувствовал ничего. Унтот.

Людмила... так и не смогла сделать больше одного глотка. Поставила бокал на стол и теребила подушечками нервных пальцев бахрому бордовой бархатной скатерти. Как замороженная смотрела на бутылку и повторяла тихо: Какой благородный вкус...

\*\*\*\*\*

Марк, которого я выше назвал недружелюбным и железобетонным верзилой, не был на самом деле ни недружелюбным, ни железобетонным... хотя верзилой и был. Как иначе можно назвать человека ростом метр девяносто шесть, с широченными плечами и руками профессионального баскетболиста? Да, он был недоверчив... особенно по отношению к собратьям-эмигрантам, которые, по своему опыту знаю, частенько оказываются на поверку удивительными мерзавцами, и к «гостям из России», которые действительно могут угостить полонием...

И похожую на башню из слоновой кости шею Марка, можно было, не без натяжки конечно, назвать «железобетонной». Но душа у этого физика, хорошо зарабатывающего в одном из новооткрытых в научном парке Адлерсхофа институтов и безропотно выносящего все дикие эскапады своей жены-писательницы, о которых шептался весь русский Берлин, была добрая. Насколько это вообще возможно в современном мире.

Марк тоже заметил, что Олег и Людмила связаны какой-то давней историей... но не хотел давать отпор еще не начавшему наступлению агрессору, не хотел даже заранее причислять небольшого, интеллигентного и благородного Олега к врагам... и унижать жену ревностью, хотя уже ревновал, ревновал и холодно бесился, как бесятся инопланетные металлические черви в ужасных свинцовых кувшинах в предвкушении расправы над глупыми землянами, сдуру прилетевшими за тридевять земель для получения ответов на бессмысленные вопросы.

После получаса возлияний и хвалеб шотландским вискиделам Марк спросил меня, неловко прикидываясь рассеянным профессором, показывал ли он мне уже свой новый дрон-квадрокоптер, модную ныне игрушку для мужчин.

Я оценил его находчивость и его такт... но мне не хотелось оставлять inferнально молчащего Олега и смущенную Людмилу одних. Поэтому я соврал: Разумеется да! И фильм показывал... тот, в котором твоя дрона чуть гражданский вертолет не покалечила.

– Ну это ты врешь! Пойдем, покажу тебе будущее.

Марк встал, чуть не опрокинув кресло, взял меня под руку и увел в другую комнату, в которой находился целый склад различных оптических и электронно-

механических устройств. На почетном месте возлежал похожий на работа-убийцу квадрокоптер.

Закрыв дверь в гостиную, Марк устало поморгал, протер очки специальной мелкозернистой тряпочкой, вздохнул и спросил: Откуда ты его откопал?

– Он на самом деле мой старый знакомый. В одном институте работали... и после... общались. Он безвредный, очень умный, древние языки знает... журналист...

– Что у них было с Людмилой, когда?

– Не имею понятия. Что-то наверное было... Еще, до тебя. Ты что, действительно купил этот чертов дрон?

Марк подвел меня к чудесному продукту западной технологии китайского производства... начал что-то объяснять, увлекся, даже включил белую сверкающую машину с интимно висящей снизу камерой...

Дрон стартовал, мгновенно поднялся к потолку, три раза облетел комнату... после этого его гордый своим летным мастерством хозяин мягко посадил его на пол.

– Представляешь, он может подниматься на высоту в полтора километра, улетать за семь километров и возвращаться. Настоящий киллер. Это еще относительно дешевая модель, говорят, в Штатах уже есть в продаже дроны, способные поднимать человека...

Я слушал Марка минут двадцать пять, потом не выдержал и спросил: Может хватит им тет-а-тета? Не было бы беды. Меня совесть грызет, знал бы, что они старые знакомые, ни за что бы его сюда не повез... Не хватает только...

Я проговорил это, уже входя в гостиную. Следом за мной вошел и Марк.

Ни Олега, ни Людмилы там не было.

Комната была пуста.

Я ощутил спиной, как ярость Марка выплеснулась вместе с нечленораздельным рыком из его глотки в пространство, отчего то зловеще завибрировало.

Марк обежал их большую квартиру. Выглянул из окна, выходящего на канал, долго и жадно смотрел направо и налево...

Вернулся в гостиную. Сел в кресло, налил полный стакан виски и выпил залпом.

Мне захотелось провалиться сквозь землю.

Марк молчал минут пять. Потом проговорил обреченно: Они на моей машине уехали. На Вольво. И наличные взяли из шкатулки. Тысячи три там было. Где мне теперь их искать? Может, они уже в какой-нибудь гостинице, в постели... Я благоразумно промолчал.

Хотя у меня в голове тут же нарисовалась странная фривольная картинка «Олег и Людмила в миссионерской позе». Потом еще одна, «сзади». И еще тридцать две...

Странность их заключалась не в том, что вытворяли на огромном ложе две нагие человеческие фигурки... а в том, что под потолком их алькова, непонятно зачем и почему, парили человекообразные дроны-квадрокоптеры...

Хм... вообще-то я не склонен к подобному фантазированию...

Догадался. Картинки эти были не мои, а марковы. И нарисовались они в его воспаленной лысеющей голове ученого с остатками поросли по периметру. Но энергия этих галлюцинаций была столь высока, что они сами собой транслировались и в мое сознание. В тот потайной кинозал одного зрителя, на котором передо мной промелькнуло за шестьдесят лет много чего, о чем не хочется рассказывать друзьям за пиршественным столом.

Набрал телефон Олега на мобильнике. Молчание.

Неожиданно для самого себя я сказал: Он говорил, что болен СПИДом. Может, придуривался. Чтобы я не заподозрил его в...

Притихший было Марк встрепенулся как ужаленный оводом конь, вскочил и убежал в другую комнату. А вернулся с пистолетом в трясущихся руках.

Направил его дуло на меня и прошипел: Говори, где они. Ты все это придумал. Сводник. Говори, иначе застрелю!

Дело принимало скверный оборот.

Верзила-Марк с пистолетом в руках. Какой заезженный сюжет! Трэш.

Только патроны в нем наверняка не киношные...

Меня спасла природа. Марку вдруг, как по заказу, стало плохо.

Лицо его как бы посерело. Он медленно положил пистолет на стол.

Обеими руками схватился за посиневшую шею, на которой выступили, как у лошади, толстые красные вены... и повалился на бок.

Я вызвал пожарную скорую... которая увезла Марка после нескольких

неудачных попыток реанимации. Так я и не понял куда, в Вирхов-клинику или в Институт судебно-медицинской экспертизы в Моабит. На прощание здоровенный пожарный сказал мне: Друг ваш мертв уже десять минут. Мы вызвали полицию...

Посмотрел в окно и добавил: Они уже тут... не советую вам трогать это.

И показал на пистолет, все еще лежавший на бордовой скатерти с бахромой.

Я был слишком взволнован, чтобы мучить себя вопросами. И все-таки, почему они не дождались полицейских, не показали им тело, если Марк действительно мертв?

...

Полицейские в штатском объяснили мне, что их задача – проверить, была ли смерть ученого естественной.

Во время разговора с полицейскими мне казалось, что время движется слишком быстро. Не тянет меня как обычно своей густой опаловой массой, а обтекает как течение остров.

Реплики полицейских улетали от меня как испуганные птицы.

А сам как будто онемел. На вопросы отвечал глупо и невпопад.

Полицейские, три молодых парня, не очень старались... видимо, после первого же знакомства с «местом преступления» поняли, что ничего интересного для них тут нет.

Пистолет их конечно заинтересовал, но они открыли принесенный с собой лэптоп и быстро нашли его по номеру... убедились в том, что Марк владел им легально, как многолетний член Клуба любителей спортивной стрельбы в Шпандау.

Шпандау.

Сообщили мне, неприятно ухмыляясь, что пистолет заряжен не был.

Нашли загранпаспорт Людмилы и проверили его.

Обнаружили в своей электронной картотеке и Олега, прочитали в ней что-то и про меня и угрюмо похмыкали.

Поскущнели. Переглянулись. И покинули квартиру.

Подозрительно быстро.

...

Ночь.

Время все еще несется мимо меня... Как болиды в Монако мимо зрителей.

Слышу его свист, напоминающий комариный писк.

Я сижу один в чужой квартире, за столом, покрытом бордовой скатертью.

Бахрома ее превращает стол в надгробье.

Тихо, как в могиле.

Что я тут делаю?

Где мой московский гость?

Людмила?

Живы они?

Что с Марком?

Существуют ли все они на самом деле, или я придумал их после обильного ужина для отвлечения от мрачных мыслей?

Говорят, даже после 40-минутной остановки сердца, человека еще можно вернуть к жизни. Вранье, наверное.

Живу ли я еще? Или я, как отец моего гостя, попал в лимб и не заметил этого.

Или меня придумал тот... который смотрит сейчас на экран монитора и усмехается?

Машинально налил остаток виски себе в стакан. Хотел бросить в него кубик льда, но от того льда, что принес Марк, осталась только маленькая лужица в хромированной ванночке.

\*\*\*\*\*

Мой рассказчик, сделанный из сухих чешуек сброшенной кожи, и симпатичный верзила Марк, родившийся из имени и одного приятного воспоминания, были не правы. Олег и Людмила не были знакомы и близки.

Физически они друг друга не знали... хотя кое-что их друг с другом и связывало.

И связывало пожалуй даже сильнее, чем совместное прошлое, постель и всяческие трагедии... которые кажутся нам такими страшными и непоправимыми в двадцать и тридцать... забавляют нас в шестьдесят и забываются в восемьдесят.

Не буду тянуть и кокетничать с читателем... когда Людмила еще тогда, в

прихожей, в первый раз глянула на незваного гостя, опустившего своего красивую седеющую курчавую голову и смотревшего в центр Земли, которого приволок с собой, неизвестно для чего, этот неприятный толстый неврастеник, вообразивший себя знатоком человеческой природы, она сразу же узнала его... да, он был человеком из ее прошлого... он был ее литературным героем, да-да, тем самым «капитаном», или... идеальной его материализацией. Людмила не поняла это, а почувствовала телом... по которому тут же пробежали электрические волны, мгновенно сфокусировавшиеся вокруг той области женского тела, которая вроде бы и не должна была играть роль магнита для эротических импульсов. Но... женское тело, господа, это загадка, почище Бинарной гипотезы Гольдбаха (жил такой хитроумный немец в восемнадцатом веке), которую так легко сформулировать и, кажется, невозможно доказать.

Когда они все вместе сидели за столом, покрытом бархатной бордовой скатертью, и дегустировали виски, Людмила трепетала как осиновый листок и нервно елозила все еще милой попкой по шершавой парчовой обивке викторианского кресла, за которого заботливый Марк заплатил восемьсот евро на аукционе.

Как только любители дронов вышли из гостиной, Капитан-Олег, по-печорински просто взял ее за руку... посмотрел ей в глаза... и убедился в том, что эта женщина в его власти.

Бросил небрежно: Пошли!

И увел ее из квартиры. По дороге предусмотрительная Людмила, хоть и тряслась и потела, захватила с собой наличные из шкатулки и лежащие там же ключи от Вольво.

Села за руль и тихим дрожащим голосом спросила Олега: Куда ехать?

Он ответил голосом Каменного гостя: Вперед. Дальше я покажу.

Они тронулись... и через пятьдесят минут достигли ничем не примечательной виллы на тенистой улице в отдаленном районе Берлина – Фридрихсхагене.

Виллы, с видом на чудесное озеро Мюггельзее. Всю дорогу Олег гладил руку Людмилы своими холодными пальцами мертвеца.

Вольво оставили в гараже, а сами пошли прямо в спальню.

Там Людмилу ожидал неприятный сюрприз. Олег не лег с ней в постель... и они

не предались свободной любви, как она ожидала, перебирая в уме сладостные подробности, взятые из ее собственного романа... в котором тридцатилетний капитан, вылитый Олег, превращает свою пятидесятилетнюю страсть, великосветскую львицу, жену адмирала, в рабыню и каждую ночь изощренно и ненасытно терзает ее покорную плоть, вызывая у нее бурные и продолжительные оргазмы.

Нет, ничего подобного не произошло...

Олег внезапно вышел из спальни... и из темного ее угла вышел другой персонаж Людмилиной прозы – горбун-насильник. Грубиян и садист.

Что там было дальше, не хочу и вообразать...

Достоверно известно только одно: Через несколько дней обескураженные и испуганные японские туристы обнаружили распухший труп Людмилы Горкиной в Шпрее, недалеко от Музея Боде. Следствие пришло позже к выводу, что она сама бросилась в речку с близлежащего моста. Совершила самоубийство.

Никто в это конечно не поверил.

Олег в квартиру нашего рассказчика так и не возвратился, чем, кстати, его вовсе не расстроил... а пропал. По слухам... он и дальше живет себе в Москве, сдает свою квартиру на Тверской и пишет какие-то репортажи... непонятно о чем.

И наконец, самое интересное: Верзила-Марк не умер, а... объявился в одном из закрытых российских физических институтов... и успешно работает то ли в Дубне, то ли в Сарове.

Скупает, где может, мебель викторианской эпохи и современные модели квадрокоптеров.